

ХАНТЕР С.

ТОМПСОН

ПРОКЛЯТИЕ
ГАВАЙЕВ

18+

Чак Паланик и его бойцовский клуб

Хантер Томпсон
Проклятие Гавайев

«АСТ»

1983

УДК 821.111(73)-311.2
ББК 84(7Coe)-44

Томпсон Х. С.

Проклятие Гавайев / Х. С. Томпсон — «АСТ», 1983 — (Чак Паланик и его бойцовский клуб)

ISBN 978-5-17-085503-2

Еще одна книга «великого и ужасного» Хантера Томпсона, написанная в его уникальном стиле гонзо-журналистики, где реальность невозможно отделить от вымысла, а вымысел — от видений. Итак: следует ли считать торговцев недвижимостью сложившейся мафиозной группировкой? Почему Лоно, Отец Гавайев, покинул острова — и когда вернется? Как поймать самого большого на свете марлина, и имеет ли отношение к рыбацкой удаче количество виски, высаженного рыбаками до, после и во время? Чем занять себя в тропическом раю в сезон дождей? И вопрос вопросов, которым рано или поздно задается каждый турист на Гавайях: почему аборигены съели Кука? Хантер Томпсон отвечает на все вопросы — и отвечает за свои ответы...

УДК 821.111(73)-311.2
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-085503-2

© Томпсон Х. С., 1983
© АСТ, 1983

Содержание

Голубая рука	8
Приключения идиотов	18
Огонь в яйцах	23
Он не был одним из нас	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хантер С. Томпсон

Проклятие Гавайев

Роман

Hunter S. Thompson

The curse of Lono

© The Estate of Hunter S. Thompson, 2003, 2005

© Перевод. В. А. Миловидов, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

*Полки надменных христиан
пределы отдаленных стран
поработить своим мечом пришли.
Но злобный европейца нрав,
своей улыбкою поправ,
не отдал он врагам своей земли.
Надгробный камень с той поры
глядит на океан с горы -
здесь христианин кончил жизни срок.
И эпитафия гласит:
«Увы, безумец здесь лежит,
что покорить мечом хотел Восток».*

Редьярд Киплинг «Наулака»

Романтический бог Лоно

В последнее время я немало писал о великом боге Лоно и о капитане Куке как одной из его персонификаций. Сейчас же, когда я нахожусь в доме Лоно и стою на земле, которую в давние времена попирала грозная нога бога – если, конечно, туземцы не лгут, что вряд ли, – я могу рассказать, кем он был.

Его идол, объект поклонения туземцев, представляет собой изящную, лишенную украшений статую высотой в двенадцать футов. Прозаические хроники рассказывают, что он был любимым богом жителей Гавайских островов – великий царь, впоследствии обожествленный за свои достойные уважения дела – абсолютно наш обычай вознаграждать героев, с тем только исключением, что мы, вне всякого сомнения, провозгласили бы его главным почтмейстером, но не богом. В минуту гнева он убил собственную жену, богиню по имени Кайкилани Алии. Муки совести свели Лоно с ума, и традиция представляет нам уникальную историю странствующего пешком от деревни к деревне бога, который вызывал на борьбу или кулачный бой всякого, кто встречался ему на дороге. Конечно, такое времяпрепровождение вскоре потеряло для него остроту новизны, так как когда столь мощное божество посылает противника «на траву», тот с этой травы вряд ли когда поднимется. Поэтому бог приказал учредить в свою честь игры под названием *макахики*, а сам на треугольном плоту отправился в дальние

страны, пообещав однажды вернуться. С тех пор бога никто не видел; плот же его, вероятно, затонул. Но люди на островах верили в его возвращение, а потому с легкостью приняли капитана Кука за воскресшего бога.

Марк Твен «Письма с Гавайев»

25 октября 1980 года

Совиная Ферма

Дружище Ральф!

Сдается мне, старина, мы с тобой здорово влипли! Тут один недоумок из Орегона, по имени Перри, хочет подарить нам на Рождество месяцок на Гавайях, а мы с тобой за это сделаем для его журнальчика репортаж о Марафоне в Гонолулу. Называется журнальчик «Бег».

Догадываюсь, что ты думаешь об этом, Ральф. Носишься по верхнему этажу своего старого особняка и орешь: почему я? И почему сейчас? Только-только стал уважаемым человеком, и вот!

Придется проглотить эту пилюлю, Ральф. Сегодня в Англии каждый может называть себя уважаемым человеком, но не каждому платят за то, что он согласен, высунув язык, участвовать в этом безумном суперсостязании под названием «Марафон Гонолулу».

Мы точно влипли в это дело, Ральф, но я на все сто уверен, что мы победим. Конечно, нужно будет потренироваться, но не слишком.

Главное – зарегистрироваться в качестве участников, а потом первые три мили лететь на всех парусах. Эти вонючие атлеты весь год пахали, чтобы блеснуть в Марафоне Гонолулу, настоящем суперкубке всех марафонов. Организаторы ожидают десять тысяч записавшихся, а бежать нужно двадцать шесть миль, и это означает, что поначалу они будут тащиться как черепахи... ведь двадцать шесть миль – это чертовски длинная дистанция, что ни говори, а потому истинные профессионалы на первых порах гнать не станут и начальные двадцать миль будут аккуратно экономить силы.

Но только не мы, Ральф. Мы сорвемся со старта, как настоящие торпеды, мы взорвем изнутри саму природу марафонского бега, промчавшись в спринтерском темпе первые три мили за десять минут, плечом к плечу.

*Скорость, которую мы разовьем, взорвет им мозги, Ральф. Эти парни готовятся бежать, а не лететь; мы же полетим, как ошпаренные суки, и будем лететь **первые три мили** – такой будет наша стратегия. Думаю, нам удастся завести себя до такой степени, что на контрольном пункте в конце третьей мили мы покажем девять минут пятьдесят пять секунд, и мы оторвемся так, что остальным нас и не видно будет. Так, в гордом одиночестве, мы перемахнем холм и выскочим на отрезок дистанции, который идет вдоль бульвара Ала Моана, все так же плечом к плечу, на скорости столь безумной, что даже судьи спят, а те, что останутся в поле за нашими спинами, захлебнутся в слепой ярости и тупом бессилии.*

Да, я еще тебя зарегистрировал участником в чемпионат по серфингу в Оаху, на двадцать шестое декабря. Мировой класс, лучшие мастера! Будешь с ними гонять по туннелям под гребнем волны у северного побережья.

Придется, правда, поработать над тем, чтобы держать равновесие на большой скорости, Ральф. Вряд ли ты захочешь свалиться, когда под гребнем десятиметровой волны будешь делать пятьдесят, а то и все семьдесят пять миль в час.

Мне не удастся разделить с тобой радость участия в чемпионате серферов – мой адвокат выставил серьезные возражения против этого, сославшись на мой анализ мочи и связанные с ним юридические последствия.

Зато я буду участвовать в печально известном Мемориальном бое петухов в Листоне с начальной ставкой в тысячу долларов. Это означает вот что: если ты продержишься минуту в клетке с одним петухом, получаешь тысячу, пять минут с одним – пять тысяч, две минуты с пятью петухами – десять тысяч долларов и так далее...

Это серьезное дело, Ральф. Гавайские бойцовые петухи за считанные секунды рвут человека в клочья. Здесь, дома, я тренируюсь с павлинами. Это сорокафунтовые птички, шесть штук, в клетке шесть на шесть метров, и мне кажется, я в этом деле уже прилично насобачился.

*Пришло время порастрасти жирок, Ральф, оставить покой и снова появиться на публике. Ты же знаешь, дружище, мне тоже давно пора отдохнуть, и причины к тому более чем веские. Поэтому я искренне желаю, чтобы у нас все прошло **без сучка без задоринки**, и верю в глубине сердца, что так и будет.*

Не о чем беспокоиться, Ральф! Мы сделаем это легко! Я уже снял небольшое поместье: два домика с пятидесятиметровым бассейном на самом берегу моря. Это на Алий-драйв в Конне, где круглый год сияет солнце. Твой ХСТ

Голубая рука

Мы были уже в сорока минутах от Сан-Франциско, когда экипаж наконец решился заняться проблемой с туалетом в первом классе. Дверь не открывалась с самого момента взлета, и теперь старшая стюардесса вытащила второго пилота из кабины и привела в салон. Тот появился в проходе рядом с моим креслом, держа в руках странный черный инструмент – не то фонарик с лезвиями, не то электрифицированную стамеску. Совершенно спокойно кивая, он вслушивался в горячий шепот стюардессы.

– Он мне отвечает, – говорила она, тыча длинным алым ноготком в табличку «занято» на двери туалета, – но я не могу его оттуда вытащить.

Второй пилот продолжал задумчиво кивать, повернувшись спиной к пассажирам и одновременно настраивая свой явно спецназовский инструмент.

– Личные данные? – спросил он стюардессу.

Та глянула в список, прикрепленный к планшету.

– Какой-то мистер Аккерман, – ответила она. – Адрес: почтовый ящик девяносто девять, Кайлуа-Кона.

– Большой остров, – констатировал второй пилот.

Стюардесса кивнула, продолжая изучать поверхность планшета.

– Член клуба Красного Ковра, – сказала она. – Часто путешествует, но где бывал раньше – не сказано. Зарегистрировался в Сан-Франциско, первым классом, в один конец до Гонолулу. В поведении безупречен. Никакой дополнительной информации: отель не резервировал, машину не нанимал... – Она пожала плечами и закончила: – Очень вежливый, трезвый, спокойный...

– Вот-вот, – отозвался второй пилот. – Я таких знаю.

Глянув на свой инструмент, он размахнулся свободной рукой и резко хлопнул по двери.

– Мистер Аккерман! – позвал он. – Вы меня слышите?

Ответа из-за двери не последовало, но я находился достаточно близко, чтобы услышать, как упало сиденье унитаза и зажурчала вода.

Я не был знаком с мистером Аккерманом, но помнил, как он садился в самолет. Выглядел он как человек, который в прошлом мог быть профессиональным теннисистом в Гонконге, а потом занялся более крутыми делами. Золотой «Ролекс», белая льняная спортивная куртка; на шее – массивная золотая цепь из тайского золота, в руках – тяжелый кожаный портфель с наборным замком на каждом из многочисленных карманов и кармашков... И никаких признаков того, что он способен закрыться в туалете сразу после взлета и оставаться там в течение целого часа.

Это слишком долго для любого полета. Подобное поведение неизбежно вызывает вопросы, которые, в конце концов, уже невозможно просто проигнорировать – особенно если дело происходит в просторном отсеке первого класса семьсот сорок седьмого «боинга», который летит из Сан-Франциско в Гонолулу. Пассажирам, которые платят такие деньги, совсем не улыбается перспектива стоять в очереди в единственный из оставшихся туалетов, в то время как какой-то придурок неизвестно чем занимается в другом.

Я был одним из этих пассажиров. Мои непростые отношения с Объединенными Авиалиниями обязывали меня, как я решил, непременно воспользоваться хромированным писсуаром в сортире с защелкой на внутренней стороне двери и провести там достаточное время, чтобы хорошенько облегчиться. До этого я шесть часов проболтался в зале клуба Красного Ковра в аэропорту Сан-Франциско, переругиваясь с билетными агентами, накачивая себя алкоголем и стараясь отогнать волны странных воспоминаний...

Где-то на полпути между Денвером и Сан-Франциско мы решили поменять самолет и очередной этап нашего путешествия провести в семьсот сорок седьмом. Десятый «ди-си» хорош для коротких перелетов и для сна, но семьсот сорок седьмой – это то, что нужно профессионалу в длительной поездке, особенно если у него непереносимость работы: из первого класса по винтовой лестнице поднимаешься на второй этаж и оказываешься в маленькой гостиной типа клуба – с отдельным баром, кушетками и деревянными карточными столиками. Конечно, перескакивая с самолета на самолет, мы могли запросто потерять свой багаж, но мне нужен был простор для работы, для того чтобы немного расслабиться, чтобы вытянуть ноги, наконец.

Мои планы на этот вечер включали изучить все, что у меня было по Гавайям. Я запасся газетными заметками и брошюрами, даже книгами. Передо мной лежали «Последнее путешествие капитана Кука» и «Записки Вильяма Эллиса», вышедшие из-под пера Ричарда Хау, «Письма с Гавайев» Марка Твена – это все толстые тома. А еще брошюры: «Гавайские острова», «История берегов Конны», «Пухонуа Хонаунау» и множество прочей печатной продукции.

– Ты не сможешь просто выбраться из самолета и с ходу написать про Марафон, – инструктировал меня мой приятель Джон Уилбер. – Кроме десятка тысяч япошек, которые побегут вдоль Пёрл-Харбора, там, на Гавайях, чертовски много всего интересного. Нужно все это использовать.

Помолчав, он продолжал:

– Острова полны тайн. Я не говорю про Дона Хо и прочую лапшу, которую вешают на уши туристам. Нет, там есть много такого, что мы здесь совершенно не понимаем.

Приятно иметь в друзьях такого мудрого человека, как Уилбер. Парень, заработавший на дом в Гонолулу, да еще на самом побережье, играя за вашингтонских «краснокожих», во многих вещах разбирается лучше, чем я.

Он прав. Я просто обязан заняться тайнами Гавайев. Прямо сейчас. Все, что может вылупиться из таинственных недр Тихого океана, заслуживает моего самого пристального внимания.

После шести часов неудач и полупьяной неразберихи я наконец раздобыл два билета на последний в этот день семьсот сорок седьмой «боинг» до Гонолулу.

И вот теперь мне нужно было побриться, почистить зубы да и просто постоять напротив зеркала, удивляясь, как это частенько со мной бывало: кто же это смотрит на меня из его глубин?

Но на сей раз я рисковал. Воздушный корабль стоимостью в десять миллионов долларов не мог предоставить мне, и это за мои же деньги, по-настоящему укромный уголок.

Риск реально был немалый. Слишком много случалось всего в этих хромированных кабинках. То какой-нибудь преждевременно уволенный со службы старший сержант решит в знак протеста сжечь себя в самолетном сортире, то какой-нибудь психопат или чокнутый наркоман запрется изнутри, наглотается таблеток и захочет спустить себя в унитаз.

Второй пилот барабанил по двери туалета костяшками пальцев:

– Мистер Аккерман! С вами все в порядке?

Помедлив мгновение, он снова позвал, на этот раз громче:

– Мистер Аккерман! Говорит капитан корабля. Вы больны?

– Что? – донесся голос изнутри.

Стюардесса приоткрыла дверь:

– Мы просто заботимся о вашем здоровье, мистер Аккерман. Если нужно, мы готовы освободить вас в течение полуминуты.

Она победоносно посмотрела на второго пилота, и тут изнутри вновь раздался голос:

– Со мной все в порядке, через минуту выхожу.

Второй пилот отступил на шаг назад, глядя на дверь. Изнутри вновь донеслись звуки спускаемой воды – и ничего больше.

К этому моменту весь салон первого класса был уже на взводе.

– Выкиньте этого фрика из сортира! – кричал какой-то пожилой человек. – У него там наверняка бомба.

– О Господи! – вопила женщина, сидевшая с ним рядом. – Он что-то там прячет!

Второй пилот вздрогнул и резко повернулся к пассажирам. Ткнув своим инструментом в лицо пожилого крикуна, готового сорваться в истерику, он обреза:

– Ты! Заткнись! Это мое дело, и я с ним справлюсь.

Неожиданно дверь открылась, и мистер Аккерман вышел наружу. Быстро проскользнув в проход, он улыбнулся стюардессе.

– Простите, что заставил вас ждать, – проговорил он. – Можете пользоваться. Все.

Он пятился по проходу между креслами, небрежно перебросив свою спортивную куртку через руку. Куртка между тем руку целиком не прикрывала.

Со своего места я мог видеть, что рука, которую Аккерман старался скрыть от стюардессы, была до самого плеча абсолютно голубого цвета. Вид этой руки заставил меня нервно вжаться в кресло. До этого мистер Аккерман мне даже нравился. У него был вид человека, с которым я мог бы иметь много общего – во взглядах, например. Но сейчас он меня достал, и я готов был хорошенько врезать этому ослу по яйцам – не дожидаясь дополнительного повода. Мое первоначальное впечатление от мистера Аккермана к этому времени разлетелось в куски. Этот кретин, который так надолго заперся в сортире, что одна из его рук посинела, был совсем не похож на того шикарно одетого обходительного яхтсмена с тихоокеанского побережья, который сел на наш самолет в Сан-Франциско.

Большинству пассажиров довольно было и того, что проблема с сортиром разрешилась мирным путем. Они были счастливы – никаких признаков оружия, никаких динамитных шашек, скотчем прикрученных к брюху террориста, никаких невнятных лозунгов или угроз: всем, дескать, сейчас глотки перережу!.. Пожилой джентльмен все еще тихо всхлипывал, не глядя в сторону Аккермана, который удалялся вдоль прохода по направлению к своему месту, но, похоже, все остальные уже успокоились.

Все, кроме второго пилота. Тот пялился на Аккермана с выражением неподдельного ужаса. Он увидел-таки голубую руку, как, впрочем, и стюардесса, которая тем не менее держала язык за зубами. Аккерман всеми силами пытался укрыть это чудо под курткой. Если кто-то из пассажиров и заметил, что там у него, то вряд ли понял, что тут к чему.

Но я-то заметил. И голубоглазая стюардесса тоже! Второй пилот бросил в сторону Аккермана испепеляющий взгляд, при этом его передернуло, явно от отвращения. Прибрав свой спецназовский инструмент, он двинулся к кабине. На полпути к спиралевидной лестнице, которая вела на второй этаж и в кабину пилотов, он задержался возле Аккермана, который остановился рядом со мной, и прошептал ему на ухо:

– Если я тебя, вонючий ублюдок, еще раз поймаю в своем самолете – башку оторву.

Аккерман вежливо кивнул и опустил в кресло – от меня через проход. Я быстро встал и с бритвенными принадлежностями в руке направился к туалету. Закрылся изнутри и, прежде чем заняться собой, поспешил захлопнуть крышку унитаза.

Есть только один способ, которым человек может выкрасить в голубое свою руку, находясь в семьсот сорок седьмом «боинге», летящем над Тихим океаном на высоте тридцать восемь тысяч футов. Но этот способ столь экзотичен и используется так редко, что даже самые опытные пассажиры вряд ли когда сталкивались с подобными случаями. Те же немногие, кто понимает, что тут к чему, вряд ли горят желанием поговорить об этом.

Мощный дезинфицирующий раствор, которым оснащают свои смывные туалеты большинство авиакомпаний и который известен под названием «Деджерм», имеет ярко-голубой

цвет. Единственный случай, когда я видел человека с голубой рукой, выходящего из самолётного сортира, произошел на утомительно долгом рейсе Лондон – Заир, которым я летел на бой Мохаммеда Али и Джорджа Формана. Английский корреспондент компании «Рейтер» пошел в туалет и каким-то образом умудрился утопить в глубинах унитаза свой единственный ключ от рейтеровского телекса, который ждал его в Киншасе. Корреспондент выбрался из сортира через тридцать минут и весь оставшийся путь до Заира наслаждался одиночеством – все места вокруг него опустели.

Было около полуночи, когда я вышел из туалета и вернулся на свое место, чтобы забрать материалы, с которыми собирался поработать. Верхний свет был погашен, и остальные пассажиры мирно спали. Пора было отправляться наверх, в гостиную на втором этаже. Марафон Гонолулу будет только частью моей истории. Остальное я отдам самим Гавайям, хотя о них-то у меня раньше не было повода ни думать, ни писать. В сумке у меня побулькивала добрая кварта «Дикой индейки» – отличный бурбон! Наверху, в баре, наверняка полно льда, и народу – никого!

Но не в этот раз. Когда я поднялся наверх по спиральной лестнице, то на одной из кушеток возле бара увидел своего спутника, мистера Аккермана, – тот мирно спал. Когда я проходил мимо, направляясь к дальнему столику, он проснулся, и, как мне показалось, по его усталой заспанной физиономии скользнула улыбка. Он меня узнал.

Я мимоходом кивнул:

– Надеюсь, вы нашли то, что искали.

Аккерман глянул в мою сторону.

– О да! – отозвался он. – Конечно, нашел.

К этому моменту, удалившись от него шагов на десять, я уже раскладывал свои бумаги и книги на большом карточном столе. Что бы он там ни искал в туалете, мне было абсолютно наплевать. У него были свои проблемы, у меня свои. Жаль, конечно, что он тут устроился на ночь – я-то надеялся, что гостиная будет полностью в моем распоряжении. Но видно, это место для Аккермана было единственным убежищем, здесь он никому не причинял беспокойства. Придется мне разделить его компанию на некоторое время, так что нужно потерпеть.

Могучий запах дезинфицирующего средства пропитал гостиную. Самолет вонял, как подвал самой плохой больницы. Я включил вентиляцию над своим сиденьем, потом взялся за материалы. Не помню, повредил ли себе руку тот самый рейтеровский корреспондент из Англии. Единственное, что пришло мне на память, было то, что всю дорогу в Заире он носил рубашки с длинными рукавами и от жары у него по рукам пошел жуткий грибок. Не было ни заметной потери веса, ни признаков отравления, но, когда спустя два месяца я встретил его в Лондоне, рука у него была все еще заметно голубая.

Я подошел к бару и набрал льда для своего бурбона. Возвращаясь, я спросил Аккермана:

– Как ваша рука?

– Вся голубая, – ответил он, – и жутко чешется.

Я кивнул:

– Это мощное средство. Вам нужно будет зайти к доктору, когда доберетесь до Гонолулу.

Взглянув на меня, Аккерман поудобнее устроился в своем кресле.

– А *вы* разве не доктор? – спросил он.

– Что?

Он улыбнулся и закурил.

– На ваших багажных бирках написано, что вы доктор.

Я усмехнулся и посмотрел на свою сумку. Действительно, на бирке клуба Красного Ковра стояло: «Доктор Х. С. Томпсон».

– О Господи! – только и смог я сказать. – Вы правы. Я *действительно* доктор.

Он довольно пожал плечами.

– Ладно, – наконец произнес я, – давайте очистим вашу руку от этого жуткого дерьма.

Встал и кивком головы пригласил Аккермана пройти в маленький туалет для экипажа, который располагался прямо позади кабины пилотов. Минут двадцать мы оттирали его руку бумажными полотенцами с мыльным раствором, а потом мазали освежающим кремом после бритья, который я достал из своей сумки.

Словно побеги ядовитого плюща, зловещая алая сыпь распространилась по всей руке Аккермана тысячью отвратительных пузырьков. Я вернулся к сумке и достал тюбик «дезе-некса», чтобы избавить его от зуда. Но голубизну мы так и не победили.

– И что? – спросил Аккерман в отчаянии. – Ее уже никогда не отмыть?

– Со временем, – ответил я. – Пару недель в соленой воде, и начнет сходить. Поболтайте в полосе прибоя, побольше времени на пляже.

Он был явно смущен:

– На пляже?

– Именно, – отозвался я. – Идите на пляж, и плевать на всех. Если спросят, говорите что угодно. Может, у вас такое родимое пятно.

Аккерман кивнул:

– Точно. Так и сделаю. Ну и *что*, что голубая, скажу. Так?

– Именно. Ни перед кем не извиняйтесь, никому ничего не объясняйте. Ведите себя естественно и всех посылайте в задницу. Вы будете звездой пляжа Вайкики в Гонолулу.

Аккерман рассмеялся:

– Спасибо, доктор! Надеюсь, мне когда-нибудь удастся отблагодарить вас. Вы с какой целью на Гавайи?

– Дела, – ответил я. – Я пишу статью о Марафоне Гонолулу для медицинского журнала.

Аккерман кивнул и устроился поудобнее, протянув вдоль кушетки свою голубую руку, чтобы подышала.

– Ну что же, – усмехнулся он лукаво. – Как бы там ни было, а *медицинский журнал* – это здорово.

– Как вы сказали?

Он задумчиво посмотрел на меня и, взгромоздив ноги на стоящий перед ним столик, улыбнулся:

– Я думаю, как мне отблагодарить вас за вашу любезность. Вы долго будете на островах?

– Да, но только не в Гонолулу, – ответил я. – Сразу после марафона мы переедем в местечко под названием Кона.

– Кона?

– Ага, – сказал я, откинувшись на спинку и раскрыв томик девятнадцатого века, «Журнал Вильяма Эллиса».

Аккерман прилег на подушки кушетки и закрыл глаза.

– Отличное местечко, – промолвил он. – Вам понравится.

– Хорошо, что предупредили. Я уже за него заплатил.

– Заплатили?

– Ну да! Я арендовал два дома на пляже.

Брови на лице Аккермана удивленно поднялись:

– Вы дали *предоплату*?

Я кивнул:

– Иначе мне бы ничего не досталось. Там все уже занято.

– Да ну? – Аккерман вскочил со своего места и уставился на меня. – Занято? Что же вы там арендуете, черт побери? Деревню Кона? Всю?

Я покачал головой:

– Да нет. Это типа поместья с двумя большими домами и бассейном, довольно далеко от города.

– И где это?

В тоне, с которым Аккерман это проговорил, было что-то не то, но я постарался не обращать внимания. Я чувствовал: что бы он ни собирался мне поведать, услышать про это мне не захочется.

– С арендой мне помогли друзья, – быстро сказал я. – Это прямо на берегу. Частное владение. У нас там будет много работы.

Теперь физиономия Аккермана выражала настоящее беспокойство.

– И у кого вы это арендуете? – спросил он. И вдруг назвал имя риелтора, с которым я действительно заключил договор. Выражение моего лица, должно быть, насторожило его, потому что он мгновенно сменил тему.

– И почему все-таки Кона? – спросил он. – Хотите поймать большую рыбу?

Я пожал плечами:

– Да не обязательно. Хотя, конечно, поплаваю, поныряю. У моего приятеля там катер.

– Вот как? И кто он?

– Парень из Гонолулу, – ответил я. – Джин Скиннер.

Аккерман утвердительно кивнул:

– Точно. Я знаю Джина. Катер «Голубой Кабан».

Он выпрямился на своей кушетке и повернулся ко мне; сон слетел с его физиономии.

– Он ваш друг? – спросил он.

Я кивнул, несколько удивленный улыбкой, которая играла на его лице. Эту улыбку я уже видел, хотя значение ее определить пока не мог.

Аккерман пристально смотрел на меня, и какой-то новый, непонятный мне свет играл в его взгляде.

– Я давненько его не видел, – сказал он. – Он вернулся на Гавайи?

Опаньки! – подумал я. Что-то здесь не так. Я вдруг опознал улыбку на лице своего собеседника. Эту улыбку я встречал на других лицах, в других странах, стоило мне только произнести имя Скиннера.

– Кто? – переспросил я, вставая, чтобы набрать еще льда.

– Скиннер.

– Вернулся откуда? – спросил я, давая понять, что в боевом прошлом Скиннера я не участвовал.

Аккерман, похоже, понял.

– А вы еще с кем-нибудь в Конне знакомы? – спросил он. – Кроме Скиннера?

– Конечно, – отозвался я. – Знаю кое-кого, кто занимается экспортом виски. Кое-кого из риелторов.

Аккерман задумчиво кивнул, внимательно разглядывая длинные пальцы своей руки, свежеекрашенной в голубое, – словно заметил в ней что-то из ряда вон выходящее. Сразу видно профессионала, который в разговоре привык, сделав паузу, внимательно прислушиваться к тому, как работает его мозг. Я практически слышал этот звук, звук скоростного сканирования памяти, производимого очень персональным компьютером, который рано или поздно выдаст то, что нужно пользователю, – факт, ссылку или давно позабытую деталь, в которой тот так нуждается.

Он снова прикрыл глаза.

– Большой остров совсем не похож на другие острова, – наконец произнес Аккерман. – Особенно на эту помойку, на Гонолулу. Там ты словно путешествуешь вспять, в прошлое. Никто не донимает тебя; куда хочешь, туда и идешь. Наверное, это единственное место на островах, где люди еще сохранили чувство старой гавайской культуры.

– Вот и отлично, – сказал я. – Мы будем там на следующей неделе. Разберемся с Марафоном в Гонолулу и спрячемся на остальное время в Конне сочинять нашу историю.

– Превосходно! – воскликнул Аккерман. – Позвоните мне, когда устроитесь. Я могу свозить вас в пару местечек, где еще жива старая магия.

Он задумчиво улыбнулся и продолжил:

– Съездим на Южный Мыс, в Город Спасенных. Пообщаемся с призраком капитана Кука. Сможем даже понырять – если погода позволит.

Я отложил свои книги, и мы немного поболтали. В первый раз мне рассказывали про Гавайи действительно интересные вещи – местные легенды, истории о древних войнах, о миссионерах, о странной и ужасной судьбе капитана Кука.

– Про Город Спасенных – это интересно, – сказал я. – Немного в мире осталось культур с таким сильным чувством сакрального.

– Это точно, – согласился Аккерман. – Но вам сначала нужно туда попасть, и обязательно *раньше* того, кто за вами гонится.

Город спасенных в Хонаунау

К югу от Харе-о-Кив мы обнаружили Паху табу (священное укрытие) довольно значительных размеров, и наш проводник сообщил нам, что это один из гавайских «пухонуа», о которых мы так много слышали от племенных вождей и прочего местного люда. Таковых на острове только два – тот, что мы исследовали, и другой, близ Вайпио, в северо-восточной части острова, в округе Кохала.

Означенные «пухонуа» есть гавайские «города спасенных», предназначение коих – дарить нерушимо-священное укрытие всякому преступившему закон бродяге, бегущему мстительного копья, но снискавшему милость и позволение вступить в пределы данного укрытия.

Местный «пухонуа» имеет несколько широких входов, некоторые из коих открываются на море, прочие же – на горы. Сюда устремляются и сознательно нарушивший табу, и тот, кто по неосторожности преступил некие предписания последнего, и вор, и даже убийца, вольно или невольно лишивший жизни человека, – все укрываются здесь от своих неутомимых преследователей и обретают спасение.

К какому бы племени он ни принадлежал, из каких бы мест ни прибыл, получает он равный со всеми прием, хотя бы мстительные враги не оставляли его притязаниями своими до самых врат сего укрытия.

К счастью, для беглеца вход в укрытие всегда остается отворенным, и как только он окажется в его пределах, то сразу же направляет стопы свои к идолу и, обратившись к последнему с кратким красноречивым приветствием, благодарит того за оказанную милость и за помощь в обретении спасения.

Священники же, равно как и адепты последних, немедленно предадут смерти любого, кто осмелится преследовать или вредить тем, кто попадает

внутри ограды Паху табу и, как это было сказано, под сень покровительства великого Кива, духа этих мест.

Мы не смогли ничего узнать достоверно относительно того срока, который беглецы могли оставаться в «пухонуа», но похоже было, что он не простирался долее двух-трех дней, после чего эти люди либо поступали в услужение к священникам, либо возвращались в свои жилища.

«Пухонуа» в Хонаунау отличается значительными размерами и способно вместить множество людей. Во время войны женщины, дети и старики из соседних округов обыкновенно оставались под его защитой, в то время как мужчины отправлялись воевать. Здесь слабые и незащищенные дожидались исхода конфликта в полной безопасности и избегали уничтожения в случае поражения своего племени.

Журнал Вильяма Эллиса (Сирка, 1850)

Проговорив это, Аккерман усмехнулся:

– Спорт – дело благородное. Особенно на Гавайях.

Я оценил шутку и задал следующий вопрос:

– И что, как только ты попадаешь в это место, ты полностью защищен?

– Абсолютно и полностью, – уверил меня Аккерман. – Даже боги не могут тебя пальцем тронуть, как только ты прошел ворота.

– Класс! – сказал я. – Такое местечко мне может понадобиться.

– Определенно, – отозвался Аккерман. – Мне тоже. Потому-то я и живу там, где живу.

– И где же?

Он улыбнулся:

– В ясный день я смотрю вниз, по склону горы, и со своего парадного крыльца вижу Город Спасенных. Этот вид вселяет в меня чувство уверенности.

У меня было такое ощущение, что он не лжет. Какой бы жизнью ни жил этот человек, похоже, ему были нужны прочные тылы. На Гавайях, да и во всем остальном мире немного найдется консультантов по инвестициям, которые способны уронить в унитаз семьсот сорок седьмого «боинга» что-то настолько важное, что не побрезгуют залезть туда рукой по плечо в надежде достать потерянное.

Мы были одни в верхней гостинной самолета, на высоте тридцать восемь тысяч футов над Тихим океаном, и лету нам было еще часа два. В Гонолулу мы сядем где-то в районе восхода солнца. Аккерман дремал. Наблюдая за ним поверх обреза книги, я видел, что он то и дело почесывает зудящую руку. Глаза его были закрыты, но пальцы другой руки бодрствовали, и их судорожные шевеления стали действовать мне на нервы.

К нам подошла стюардесса, чтобы взглянуть, как мы и что, но вид голубой руки Аккермана бросил ее в дрожь, и она поспешно ретировалась, спустившись в нижний салон. В баре был полный ящик пива «Миллер Хай Лайф» на льду и широкий выбор алкоголя в минибутылочках, так что все, что ей нужно было делать, – это время от времени осторожно проведывать Аккермана.

В конце концов тот уснул. В гостинной было темно. Горели только светильники на столах, и я снова устроился на кушетке, чтобы поразмышлять над своими материалами.

Главное впечатление, вынесенное мной из прочитанного в эти часы, состояло в том, что Гавайские острова совсем не имели письменной истории за пределами последних двухсот лет, когда первые миссионеры и капитаны океанских судов предприняли попытки восстановить некую хронологию островов на основе сказаний, которые были поведаны им аборигенами. Никто не знал, как возникли острова и откуда появились здесь первые люди.

Сереньким днем шестнадцатого января тысяча семьсот семьдесят девятого года капитан Джеймс Кук, величайший исследователь своей эпохи, ввел два корабля своей Третьей

Тихоокеанской экспедиции в маленькую, окруженную скалами бухточку залива Кеалакекуа на западном побережье еще не описанного картографами тихоокеанского острова, который местные жители называли Оухайхи, и занял свое место в истории как первый белый человек, «официально» открывший Гавайские острова.

Залив, куда вел фарватер, был окутан туманом и окружен крутой стеной скал высотой в пятьсот футов. Он был больше похож на могилу, чем на гавань, и, несмотря на удручающее состояние кораблей и команды, которые десять дней боролись с убийственным муссоном, входить в этот залив Куку совсем не хотелось. Но выбора у него не было: команда грозила бунтом, на кораблях свирепствовала цинга, они буквально рассыпались на части под ногами капитана, а моральный дух экспедиции резко упал после шести месяцев, проведенных в Арктике... И вот проплыв тысячи миль от Аляски в состоянии полной истерики, при виде островов матросы буквально взбесились.

Ну что ж, Куку пришлось уступить. Залив Кеалакекуа был для него не самым желанным местом. Но он был единственной на многие тысячи миль доступной якорной стоянкой, и именно здесь bravому капитану суждено было пережить свой последний шторм.

Ранним утром шестнадцатого января [тысяча семьсот семьдесят девятого года] Кук обратился к своему помощнику:

– Мистер Блайт! Будьте любезны, возьмите лодку с хорошо вооруженными людьми и замерьте глубину фарватера.

Ему крайне важным казалось выяснить все «особенности бухты».

– Все выглядит многообещающим, – ответил Блайт, – а индейцы весьма дружелюбны.

– Вне зависимости от характера индейцев, – произнес Кук резко, – если стоянка не представляет опасности, я приму решение бросить якорь. В отношении защищенности остров – не лучшее место, но нам крайне необходимо пополнить запасы и дать ремонт кораблям.

Блайт, сопровождаемый Эдгаром, спустился с борта «Дискавери» в лодку и приказал гребцам держать норд-вест к глубокому разлому в скальной стене. На полпути к берегу их встретила армада каноэ самого разного размера, которые неслись с удвоенной скоростью по направлению к кораблям, причем гребцы в них, распевая во весь голос, размахивали веслами, которые были украшены развевавшимися на ветру пучками разноцветных ниток.

Достигнув берега, Блайт окончательно уверился в том, что бухта способна предоставить им вполне безопасную стоянку. Она была защищена со всех сторон, исключая зюйд-вест, но, как заметил Блайт, с этой стороны на них вряд ли мог обрушиться шквал. Наиболее примечательной чертой бухты была четырехсотфутовая скала, словно вырубленная из черной вулканической породы; скала полого спускалась к западу и примерно в миле переходила в плавно поднимающуюся равнину, которая оканчивалась мысом, охватывавшим воды бухты с запада. Эта черная скала, представляющая на первый взгляд непроходимое препятствие на пути в глубь острова, казалось, обрывалась прямо в море, но ближе к вечеру, когда начался отлив, Блайт заметил, что у ее подножия образовался узкий пляж из черных камней и гальки. Как моряки узнали позже, название бухты Кеалакекуа (или, как называл его Кук, Каракакуа), означавшее «тропа богов»,

происходило как раз от названия этого отвесного склона, нависшего над водой.

Ричард Хау «Последнее путешествие капитана Кука»

Я все еще читал, когда появившаяся вдруг стюардесса объявила, что через тридцать минут состоится посадка.

– Вам необходимо вернуться в нижний салон на свои места, – сказала она, не глядя на Аккермана, который продолжал спать.

Я начал собирать вещи. Небо за стеклом иллюминаторов постепенно светлело. Пробираясь с сумкой по проходу, я разбудил Аккермана, который, проснувшись, сразу закурил.

– Скажите им, что я не смогу спуститься, – попросил он. – Думаю, мне удастся совершить посадку и здесь.

Он криво усмехнулся и пристегнулся ремнями, которые вдруг вынырнули откуда-то из глубин кушетки, на которой он сидел.

– Вряд ли они там, внизу, скучают по мне, – сказал он. – Увидимся в Конне.

– Хорошо, – отозвался я. – В Гонолулу не остаетесь?

Аккерман покачал головой и посмотрел на часы:

– Только чтобы заглянуть в банк. Он открывается в девять, а к обеду я должен быть дома.

Мы пожали друг другу руки.

– Удачи! – пожелал я ему. – И берегите руку.

Улыбнувшись, Аккерман сунул руку в карман своей спортивной куртки.

– Спасибо, док! – сказал он. – Вот вам кое-что. День будет долгим.

И, кивнув в сторону туалета для экипажа, вложил в мою руку маленькую стеклянную бутылочку.

– Лучше сделать это здесь, наверху, – сказал Аккерман. – Не хочу приземляться с запрещенными вещами в карманах.

Я согласно кивнул и зашел в туалет. Выйдя, вернул бутылку.

– Превосходно! – поблагодарил я его. – Чувствую себя уже намного лучше.

– Вот и славно, – отозвался Аккерман. – У меня такое ощущение, что вам здесь требуется помощь, и немалая.

Приключения идиотов

Мой друг Джин Скиннер встречал нас в аэропорту Гонолулу. Припарковав свой черный «понтиак-кабриолет» прямо на тротуаре напротив зала выдачи багажа, он рассеянным жестом руки отмахивался от протестующих прохожих. Весь его вид, высокомерие, с которым он дефилировал возле своей машины, как бы говорили: у этого человека на уме серьезные дела. Разглядывая вестибюль багажного отделения, Скиннер потягивал пиво «Примо» из коричневой бутылки, совершенно игнорируя местную даму в форме дорожного полицейского, которая тщетно пыталась привлечь его внимание.

Я увидел его еще с верхней ступеньки эскалатора и сразу понял, что багаж получить нам нужно как можно быстрее. Скиннер настолько привык работать в горячих точках, что не видел ничего сверхъестественного в том, чтобы проехаться по тротуару среди разъяренной толпы – если ему что-то было нужно. На этот раз нужен ему был я, и я бросился ему навстречу с деловитой улыбкой на физиономии.

– Не беспокойся, – крикнул он. – Через минуту нас здесь не будет.

Большинство людей обычно верят Скиннеру или по крайней мере хотят верить. Было в нем что-то такое, что говорило: оставьте этого парня в покое. Черный «понтиак» Скиннера выглядел угрожающе, а сам он представлял, казалось, еще большую угрозу для каждого, кто подвернется под руку. Скиннер был на голову выше всех в аэропорту. На нем была белая куртка с высоким воротником и по меньшей мере тринадцать накладными карманами, где могло оказаться что угодно – от фосфорной гранаты до непромокаемой авторучки. Голубые шелковые слаксы Скиннера были отлично отутюжены, но носков он не носил, и его недорогие резиновые сандалии весело шлепали по тротуарной плитке. Глаза Скиннера прятались за темно-синими зеркальными «сайгонами», шею обвивала тяжелая золотая цепь с квадратными звеньями, которую можно купить разве что в каком-нибудь ночном ювелирном магазинчике на задворках Бангкока, запястье же украшал золотой «Ролекс» на браслете из нержавеющей стали. Фигура явно неуместная в толпе туристов с континента, вывалившихся из самолета компании «Алоха», рейс Сан-Франциско – Гонолулу. Но Скиннер в отличие от них был не в отпуске.

Увидев меня на подходе, он протянул руку.

– Привет, док! – сказал он. – Я думал, ты бросил эти дела.

– Бросил, – отозвался я. – Но теперь что-то заскучал.

– Я тоже. Уже собирался выехать из города, как мне позвонили. Кто-то из организаторов Марафона. Им нужен официальный фотограф за тысячу долларов в день.

Он кивнул на переднее сиденье своего «понтиака», где лежало несколько новеньких камер марки «Никон».

– Я не мог от них отвязаться, – прокомментировал Скиннер. – Легкие деньги.

– О Господи! – сказал я. – Так ты еще и фотограф!

С минуту Скиннер рассматривал свои сандалии, потом медленно поднял лицо и, обнажив зубы в усмешке, уставился мне в переносицу.

– На дворе восьмидесятые, док! И я буду тем, кем мне нужно быть.

Скиннер был с деньгами на короткой ноге. С враньем, кстати, тоже. Когда мы с ним пересеклись в Сайгоне, он работал на ЦРУ, гоня вертолеты «Эйр Америка», и, как говорили те, кто близко его знал, делал до двадцати тысяч долларов в неделю на опиуме.

Я никогда не говорил с ним о деньгах, а он всем нутром ненавидел журналистов, но мы довольно быстро стали друзьями и в последние недели войны много времени проводили вместе, покуривая опиум на полу его номера в «Палас Континенталь». Мистер Хи приносил трубки ежедневно около трех – даже в тот день, когда его домишко в Колоне был разбит

прямым попаданием ракеты, – и гости отеля молча возлежали на укрытом циновками полу, вдыхая волшебный дым.

До сей поры это остается моим самым четким воспоминанием из времен Сайгона: я лежу, вытянувшись на полу и приложившись щекой к прохладному кафелю; в ушах изда-лека, как во сне, звучит тоненький голосок мистера Хи, который скользит по комнате со своей длинной черной трубкой и бунзеновской горелкой, регулярно подсыпает зелья в чашку трубки и, не умолкая ни на минуту, трещит на языке, который никому из нас не введом.

– На кого нынче работаешь? – спросил меня Скиннер.

– Пишу о Марафоне для медицинского журнала.

– Отлично, – удовлетворенно хмыкнул Скиннер. – Можно завести связи среди медиков. Какие наркотики везешь?

– Да никаких! – ответил я. – Абсолютно никаких.

Он пожал плечами, потом посмотрел на багажную ленту, которая наконец двинулась; показались чемоданы и сумки пассажиров нашего рейса.

– Ну, как скажешь, док. Давай погрузим твой скарб в машину и сможемся отсюда, пока меня не повязали за покушение на убийство. Мне сегодня не до разборок с этим народцем.

Толпа вокруг уже начинала бушевать, а местный полицейский принялся выписывать штраф. Я взял бутылку пива из руки Скиннера и сделал долгий глоток, потом швырнул свою сумку на заднее сиденье и представил Скиннера своей невесте.

– Нужно быть сумасшедшим, – сказала она, – чтобы вот так парковаться прямо на тротуаре.

– За это мне и платят, – парировал он. – Был бы я в здравом уме, тащиться бы нам с вашим багажом аж до парковки.

Она с сомнением посмотрела на Скиннера, и мы занялись погрузкой.

– А ну-ка, отвали! – рявкнул Скиннер на ребенка, который вдруг вырос перед капотом машины. – Ты хочешь, чтобы я тебя убил?

Толпа отпрянула. Что бы мы ни творили, это не стоило того, чтобы за это нужно было кого-то убивать. Ребенка как ветром сдуло, а я подхватил с багажной ленты большой алюминевый чемодан на колесиках и, едва не уронив, перебросил Скиннеру, который ловко уложил чемодан на заднее сиденье кабриолета.

Дорожный полицейский строчила уже третью бумажку за последние десять минут, и я видел, что она теряет над собой контроль.

– Даю вам шестьдесят секунд, – вдруг заверещала она. – Или вас отбуксируют силой.

Скиннер дружелюбно похлопал ее по плечу, прыгнул на сиденье водителя и врубил мотор, который сразу ожил, издав резкий металлический рев.

– Ты, милая, слишком хороша для этой дерьмовой работы, – проорал он, протягивая блюстительнице порядка карточку, которую выхватил из бардачка. – Позвони мне в офис. Я тебя буду снимать нагишом для почтовых открыток.

– Что? – завопила полицейский.

Скиннер резко дал задний ход. Толпа расступилась, но ей, видимо, совсем не по душе было то, что мы отваливаем.

– Звоните в полицию! – заорал кто-то.

Дорожный полицейский что-то кричала в свою рацию, а мы уже вливались в поток уличного движения, оставив позади себя рев нашего «понтиака».

Из маленького холодильника рядом с передним сиденьем Скиннер выхватил очередную бутылку «Примо» и, зажав руль коленями, откупорил ее. Потом зажег сигарету.

– Куда едем, док? – спросил он. – В «Кахала Хилтон»?

– Да, – отозвался я. – Это далеко?

– Изрядно, – ответил Скиннер. – Придется остановиться и прикупить пива.

Я откинулся на горячую кожу сиденья и закрыл глаза. Из радиоприемника неслась странная песня о «мальчишках хула хула» на мелодию Уоррена Зевона:

*Я видел, как она ушла из луау
Втроем с парковщиком машин
И толстяком из местного бассейна
Рука в руке, покачиваясь в лунном свете...*

Скиннер надавил на газ и бросил машину на среднюю полосу в неожиданно открывшийся просвет. Он проскользнул всего в шести дюймах от заднего борта едва тащившегося грузовика с ананасами и неожиданно врубился в свору дворняг, которые пересекали шоссе. Переднее колесо «пontiака» попало на полосу гравия, зад машины пошел вправо, но Скиннер выровнял ход. Собаки замерли на мгновение. Вдруг одна из них, здоровенная зверюга с костлявыми боками и мощными челюстями дворняги в десятом поколении, бросилась на «пontiак» с тупым упрямством задиры, который всю жизнь привык нападать и наслаждаться видом убегающего врага. С диким лаем она атаковала переднее колесо кабриолета, но вдруг глаза ее расширились, когда до нее дошло, причем слишком поздно, что Скиннер не намерен отворачивать. Отчаянно упираясь всеми четырьмя лапами в горячий асфальт, дворняга пыталась затормозить, но ее атака была слишком стремительной. «Пontiак» шел на скорости пятьдесят миль в час на низкой передаче. Скиннер, держа ногу на акселераторе, махнул пивной бутылкой как колотушкой для игры в поло, целясь псу в голову. Я услышал приглушенный удар, собака с диким визгом бросилась поперек шоссе прямо под колеса грузовика с ананасами, который и раздавил ее. Прочие собаки в панике кинулись врассыпную.

– Опасные сволочи, – сказал Скиннер, отбрасывая прочь горлышко бутылки. – Чертовски злые. Запросто могут заскочить тебе в машину на светофоре. Это одна из проблем с кабриолетом.

Моя невеста истерически рыдала, а из радиоприемника все еще текла эта жуткая мелодия:

*Я слышал, как поют их укееле
Там, где с луной целуется вода.
Она ушла с парнями хула хула,
Она меня забыла навсегда.*

На въезде в центр Гонолулу Скиннер притормозил.

– Все, док, – проговорил он. – Пора принять дозу. Я что-то нервничаю.

Чтобы Скиннер нервничал? Вот уж нет. Зверюга. Хладнокровный убийца.

– У Ральфа есть, – быстро сказал я. – Он ждет нас в отеле. У него зелья – целая бутылка из-под «алказельтцера».

Скиннер снял ногу с тормоза, газанул, и мы проехали под большим зеленым баннером, гласившим: «Пляж Вайкики – полторы мили». Лицо его осветила так хорошо знакомая мне ухмылка. Мечтательная меланхоличная ухмылка любителя наркоты в предвкушении дозы. Я помнил эту ухмылку.

– Ральф – параноик, – предупредил я. – С ним нужно поосторожнее.

– За меня не беспокойся, – отмахнулся Скиннер. – Я отлично лажу с англичанами.

«Пontiак» въехал в даунтаун. Улица, тянувшаяся вдоль береговой линии, была полна бегунов, которые, готовясь к Марафону, отрабатывали темп бега.

На уличное движение они плевали, что заставляло Скиннера нервничать.

– Управы нет на этих козлов, – говорил он. – На Западе что ни богатый либерал, то бегун. Десять миль в день, и не мили меньше. Это какая-то чертова религия.

– А ты сам бегаешь? – спросил я.

Скиннер рассмеялся:

– Конечно, бегаю. Но никогда – с пустыми руками. Мы же *разбойники*, док. Мы совсем не такие, как этот народец, и нам поздно переучиваться.

– А вот *мы* – профессионалы, – проговорил я. – И должны написать репортаж о соревнованиях.

– К черту соревнования! – отрезал Скиннер. – Мы будем наблюдать за ними из уилберовского переднего двора – напьемся и примемся делать ставки на результаты футбольных матчей.

Джон Уилбер, в прошлом защитник Вашингтонских «краснокожих», дошедший с ними до Суперкубка тысяча девятьсот семьдесят третьего года, был еще одним нашим приятелем, которого мы прихватили с собой из тех прошлых тревожных лет. Теперь-то он вполне устроился, стал в Гонолулу по-настоящему респектабельным джентльменом. Дом его на Кахала-драйв, в районе с самой высокой арендной платой, стоял прямо на маршруте Марафона, в паре миль от финиша...

– Для того чтобы нам писать репортаж, лучшего места не найти, – объяснил Скиннер. – Мы захватим старт Марафона в даунтауне, потом рванем домой к Уилберу, чтобы успеть посмотреть футбол и поиздеваться над бегунами, когда они потащатся мимо нас, а потом пулей слетаем назад в даунтаун к финишу.

– Спланировано на все сто, – оценил я сценарий Скиннера. – Именно так я бы и поступил.

– Ну, не знаю, – отозвался он. – Более скучной вещи, чем эти дурацкие марафоны, и не придумаешь. Но по крайней мере на нем можно классно оттянуться.

– Как раз это я и имею в виду, – сказал я. – Я *записан* участником этих чертовых состязаний.

Скиннер покачал головой:

– Брось, пока не поздно. Уилбер пытался переплюнуть Роузи Руитс несколько лет назад, когда был еще в приличной форме. На отметке двадцать четыре километра вышел на дистанцию в полумиле впереди лидера и рванул к финишу как последний ублюдок; скорость была – как у велосипедиста, не меньше. – Скиннер рассмеялся и продолжил: – Это было ужасно. Девятнадцать человек обошли его на первых же двух милях. Он ослеп от собственной блевотины, а последние сто ярдов полз на карачках. – Снова смех. – Эти ребята умеют бегать, и *очень быстро*. Они бежали прямо по Уилберу.

– Ну и что? – отозвался я. – Идея-то была не моя. Сам Уилбер мне и посоветовал.

– То-то и оно, – усмехнулся Скиннер. – Здесь, на Гавайях, следует держать ухо востро. Даже лучший друг тебя надует. Просто не сможет иначе.

* * *

Мы обнаружили Ральфа в баре открытого кафе «Хо Хо». Поникнув головой, тот сидел над стаканом, на чем свет костеря и дождь, и волны, и жару, и все остальное, что было в Гонолулу. Произошло же вот что: соблазнившись рассказами Уилбера о том, как здесь классно нырять с трубкой, Ральф полез в океан, но не успел он опустить голову в воду, как первая же волна подхватила его и с размаху бросила на коралловый риф, пробив дырку в спине и раздробив позвоночный диск. Скиннер попытался приободрить Ральфа байками о местных ужасах, но тот и слушать не хотел. Настроение у него было ужасное, а после того как Скиннер потребовал у него кокаина, Ральф совсем озверел.

– *Какого черта* тебе от меня надо? – завопил он.

– «Белой смерти», приятель, – ответил Скиннер. – А может, кекса? Или «белой лошади»? Или марафета? Уж не знаю, как он у вас называется, в вашей задрипанной Англии.

– Ты хочешь сказать – *наркотика*?

– Именно, дружище! Нар-ко-ти-ка! – проорал Скиннер. – А ты думал, я пришел сюда поболтать об *изящных искусствах*?

На этом все закончилось. Явно перетрусив, Ральф вскочил и смылся, а бармен долго пялился на нас, и в глазах его стоял неподдельный ужас.

Огонь в яйцах

Устроившись в баре, мы смотрели, как дождь хлещет пальмы, растущие по краям пляжа. Кафе «Хо Хо» открыто ветру с трех сторон, и каждые несколько минут очередной его порыв обрушивал на нас целые потоки теплого дождя. Мы были единственными посетителями. Бармен-самоанец с застывшей на лице дежурной улыбкой молча смешивал нам «Маргариту». Слева, на небольшой скале, установленной в центре бассейна с пресной водой, два кареглазых пингвина с важным видом стояли бок о бок и, не мигая, с любопытством разглядывали нас.

Скиннер бросил пингвинам кусочек сашими. Более крупная птица поймала его на лету и мгновенно проглотила, резким ударом короткого черного крыла отбросив в сторону ту, что была поменьше.

– Эти птички – сверхъестественные создания, – заметил Скиннер. – Я время от времени веду с ними занимательные разговоры.

Некоторое время Скиннер дулся на Ральфа за то, что тот не дал ему шанс вдоволь насладиться продуктами английской фармацевтической индустрии, но в конечном итоге он начал воспринимать этот факт как еще одно проявление полного отсутствия логики в том, что происходит на островах.

После двух или трех порций «Маргариты» его глаза загорелись привычным задором, и теперь Скиннер посматривал на пингвинов взором человека, которого не так-то просто заставить заскучать.

– Они – муж и жена, – предположил он. – Тот, что побольше, – мужик. Думаю, за пригоршню рыбки он легко сдаст задницу своей бабы в аренду. – Он повернулся ко мне: – Как ты думаешь, Ральф любит пингвинов?

Я в недоумении уставился на птицу.

– Не знаешь? – спросил он. – А я знаю. Он затрахает бедную птичку до полусмерти. Эти англичане трахают все, что шевелится. Все они извращенцы.

Бармен стоял к нам спиной, но я знал, что он прислушивается. Улыбка, застывшая на его лице, все больше и больше превращалась в гримасу. Интересно, а часто ли ему до этого приходилось, стоя за своей стойкой, слышать, как вполне уважаемые внешне люди собираются трахать пингвинов, принадлежащих отелю?

– И долго будет продолжаться этот проклятый дождь? – спросил я.

Скиннер бросил взгляд в сторону пляжа.

– Бог его знает, – ответил он. – Это то, что они называют «погода Коны». Ветры поворачивают вспять, и такая погода приходит с юга. Иногда она длится до семи-девяти дней.

В первый день декабря [тысяча семьсот семьдесят восьмого года]... он понял, что перед ним – величайший из открытых им островов. Название, которое острову дали местные племена, Кук записал как «Оухайхи». К утру следующего дня они подошли к живописнейшему берегу: массивные скалы, долины, заканчивающиеся мысами, белые ленты высоких водопадов, низвергающихся прямо к полосе прибоя, реки, которые одна за другой вытекали из глубоких долин. Внутри острова им открылись лощины с грохочущими потоками, ландшафт, где скудные земли перемежались цветущими долинами, а равнины постепенно поднимались все выше и выше к покрытым снегом вершинам. Снег в тропиках! Еще одно открытие, еще один парадокс. Здесь, как оказалось, скрывается доселе не известная никому богатейшая земля, размерами гораздо превосходящая Таити. Сквозь

подзорную трубу он видел тысячи местных жителей, которые, выливаясь потоками из своих жилищ и с полей, поднимались на вершины скал и, глядя во все глаза, размахивали в воздухе белыми полосками ткани, словно приветствовали нового мессию.

Ричард Хау «Последнее путешествие капитана Джеймса Кука»

Мне по большому счету было наплевать. На настоящий момент хватит и того, что я забрался достаточно далеко от снежных сугробов, которые регулярно заваливают крыльцо моего дома в Колорадо. Мы заказали еще по порции «Маргариты», чтобы хорошенько расслабиться и вдоволь поболтать. Я не спускал глаз с бармена, а Скиннер рассказывал мне о Гавайях.

Когда период дождей в Коне затягивается, люди становятся слегка раздражительными. После девяти-десяти дней высокой волны и затянутого тучами неба на улице в Гонолулу тебе запросто вышибут селезенку из тела только за то, что ты просигналил самоанцу, чтобы тот убрался с пути твоего автомобиля. Самоанцев на Гавайях много, и с каждым годом их присутствие становится все более заметным. Это крупные, опасные парни с темпераментом, не поддающимся контролю, и их сердца переполняет ненависть к звукам автомобильного сигнала – вне зависимости от того, кому сигналил автомобилист.

Нас, белых, гавайцы-аборигены называют «народом хаоле», и преступления на почве межрасовой напряженности – одна из наиболее популярных тем в ежедневных газетах и теленовостях.

Эти истории вызывают ужас, а некоторые из них, вероятно, достаточно правдивы. Из последних, которые все передают друг другу в Вайкики, самая жуткая – о «целой семье из Сан-Франциско», юристе, его жене и троих детях, которых изнасиловала банда корейцев, когда они на закате гуляли по берегу моря. Все произошло так близко от отеля «Хилтон», что люди, которые потягивали свои ананасовые дайкири на террасе отеля, до самой полуночи слышали крики несчастных, но они просто отмахнулись от этих криков, как будто это орали морские чайки, пирующие на прибрежных волнах.

– Даже не подходи к берегу после захода солнца, – предупредил меня Скиннер, – если, конечно, тебе все не *осточертело*.

Корейская диаспора в Гонолулу еще не созрела, для того чтобы полностью ассимилироваться. Их опасается «народ хаоле», их презирают японцы и китайцы, над ними глумятся аборигены, а иногда ради спортивного интереса на них охотятся самоанцы, которые считают корейцев паразитами, чем-то вроде портовых крыс и бродячих собак.

– И держись *подальше* от корейских баров, – добавил Скиннер. – Там полно этой мрази, этих дегенератов, этих маленьких жестоких, кровожадных ублюдков. Они отвратительнее крыс и намного крупнее, чем большинство собак, и они могут выбить мозги любому двуногому, за исключением, конечно, самоанца.

Я бросил быстрый взгляд в сторону бармена, перенеся вес на середину сиденья своего стула и опустив обе ноги на пол. Но тот крутил арифмометр, очевидно, не слыша бредовых речей Скиннера. Какого черта? Этот тип может схватить только одного из нас.

Я забрал свою зажигалку с барной стойки и аккуратно застегнул карман, где держал бумажник.

– Мой дед был корейцем, – сказал я. – Где можно встретить этих людей?

– Что? – спросил Скиннер. – *Встретить?*

– Не беспокойся, – ответил я. – Они примут меня за своего.

– Да пошли они все в задницу, – вскипел Скиннер. – Они не люди. Пройдет еще сотня лет, прежде чем корейцам позволят общаться с человеческими существами.

Мне было немного не по себе, но я промолчал. Бармен все еще был поглощен своими денежными делами.

– Ладно, плюнь, – проговорил Скиннер. – Давай, я расскажу про негров, и ты на время забудешь про корейцев.

– Эту историю я слышал, – сказал я. – Про девчонку, которую спихнули со скалы, верно?

– Абсолютно верно, – кивнул Скиннер. – *Все* обосрались, когда узнали про это.

Он понизил голос и склонился ко мне.

– Я ее хорошо знал, – сказал он. – Она была *настоящая красotka*. Старшая стюардесса, летала в «Пан-америкэн».

Я кивнул.

– *Совершенно без всякой причины*, – продолжил Скиннер. – Она просто стояла на краю скалы со своим бойфрендом, там, на самом верху, куда обычно водят туристов. И вдруг этот чокнутый ниггер подбежал сзади и толкнул ее. А там от вершины скалы до пляжа лететь тысячу футов.

Скиннер мрачно покачал головой.

– Пару раз она задела водопад, как раз на полпути вниз, а потом исчезла. И никто ее больше не видел, и следов тела не нашли.

– А почему? – поинтересовался я.

– Да кто же знает? – ответил Скиннер. – А этого типа даже не судили. Объявили «безнадежно безумным», и все.

– Точно, – сказал я. – Я помню это дело: «Черный дьявол в наушниках». Так? Это тот же самый парень, которого за несколько недель до этого забрали в полицию за то, что он пытался участвовать в Марафоне нагишом?

– Именно! Самый быстрый в мире чокнутый ниггер. Он полдистанции пролетел совершенно голый, пока его не поймали. Этот ублюдок точно *умеет* бегать, – проговорил Скиннер, усмехнувшись. – Десять копов на мотоциклах гнались за ним с сетью. Вообще-то до того, как он свихнулся, он был бегуном мирового класса.

– Ерунда! – сказал я. – Это его не извиняет. Этих чокнутых фриков, которых тянет всех убивать, следует кастрировать.

– Это точно, – кивнул Скиннер. – Теперь так и делают.

– Да ты что?

– Самоанцы, – сказал он. – Тут на шоссе была пробка... Слушай! А что, ты разве *эту* историю не слышал?

Я отрицательно помотал головой.

– Ладно! – ухмыльнулся Скиннер. – Это замечательная история как раз и говорит о том, что твои самые жуткие ночные кошмары в любой момент могут обернуться явью. Причем никто тебя заранее не предупредит.

– Отлично, – сказал я. – Давай послушаем. Я люблю такие байки, они пробуждают во мне мои самые тайные страхи.

– Еще бы, – довольно усмехнулся Скиннер. – Паранойя здесь – заразная болезнь.

– Так что там про самоанцев? – спросил я.

– Про самоанцев?

Скиннер пару мгновений внимательно рассматривал свой стакан, потом глянул на меня.

– Всех шестерых освободили, – сказал он. – Никто не согласился давать свидетельские показания... В общем, один бедолага в воскресный день попал в пробку на шоссе Пали, а перед ним – пикап, набитый пьяными самоанцами. Его машина раскалилась как чайник, но сделать было ничего нельзя – выйти не может, припарковаться и сбежать – тоже. Самоанцы разбили ему фары, мочились ему на капот, но он держался почти два часа – с закрытыми

дверями и поднятыми окнами, – пока не вырубился от изнеможения и не упал грудью на кнопку гудка...

Скиннер выдержал паузу и продолжил:

– Самоанцы мгновенно взбесились. Железными прутьями они разбили этому парню лобовое стекло, вытащили его и кастрировали. Пятеро держали его на капоте, а шестой отхватил ему яйца – воскресным днем, прямо посередине шоссе Пали.

Теперь я наблюдал за барменом самым пристальным образом. Мне показалось, что мышцы его спины напряглись, но я не был в этом вполне уверен. Скиннер развалился на своем стуле и вряд ли был бы способен отреагировать достаточно быстро. Лестница в вестибюль была от меня всего в двадцати футах, и я прикинул, что успею добраться туда до того, как этот зверюга-самоанец достанет меня своими лапищами.

Но он держался совершенно спокойно. Скиннер заказал еще по одной «Маргарите» и попросил счет, который и оплатил золотой картой «Америкэн экспресс».

Неожиданно телефон за стойкой бара взорвался оглушительным дребезжанием. Это была моя невеста, позвонившая из комнаты.

Звонили спортивные журналисты, сказала она. До них дошел слух, что мы с Ральфом участвуем в Марафоне.

– Ничего не говори этим ублюдкам, – предупредил я ее. – Любое лишнее слово, и у нас – куча проблем.

– Я уже поговорила с одним, – ответила она. – Он постучался в дверь и сказал, что его зовут Боб Эйрум.

– Все хорошо, – сказал я. – Боб – нормальный парень.

– Только это был не Эйрум, – уточнила моя невеста. – Это был тот самый придурок из «Нью-Йорк пост», которого мы встретили в Лас-Вегасе.

– Никому больше не открывай дверь, – сказал я. – Это Марли. Скажи ему, что я заболел. Что меня сняли с самолета в Хило. И ты не знаешь имени доктора.

– А что говорить про соревнования?

– Об этом не может быть и речи, – ответил я. – Мы оба больны. Оба! Скажи им, чтобы оставили нас в покое. Внимание публики и прессы нас доконало.

– Ты идиот, – констатировала моя невеста и задала новый вопрос: – Что ты *разболтал* этим людям?

– Я? Ничего. Это все Уилбер. Совсем не умеет держать язык за зубами.

– Он, кстати, звонил, – сказала она уже спокойнее. – Приедет на своем лимузине, чтобы забрать нас на вечеринку.

– Какую такую вечеринку? – спросил я и жестом привлек внимание Скиннера. – Сегодня вечеринка, посвященная Марафону, что ли? – шепотом спросил я его.

Скиннер засунул руку в один из своих многочисленных карманов и вытащил лист белой бумаги.

– Вот программка, – ответил он. – Да, это приватное сборище в доме доктора Скаффа. Ужин и коктейли для бегунов. Мы приглашены.

Я снова поднес трубку к уху.

– Какой у нас номер комнаты? – спросил я. – Через минуту буду. Там точно намечается вечеринка. Не пропусти лимузин.

– Ты бы лучше поговорил с Ральфом, – сказала моя невеста. – Ему очень плохо.

– Ну и что? – отпарировал я. – Он же артист!

– Ты негодай. Тебе не мешало бы заботливее относиться к Ральфу. Он прилетел из самой Англии, да еще жену с дочерью привез, и все – только потому, что ты просил его приехать.

– Не беспокойся, – ответил я. – Он получит то, за чем приехал.

– Что? – завопила она. – Ты, вонючий пропойца! Немедленно пошли подальше этого маньяка, своего приятеля, и отправляйся к Ральфу. Ему совсем плохо!

– Это ненадолго, – ответил я. – Не успеет Марафон закончиться, как Ральфа можно будет отправлять багажом.

Моя невеста бросила трубку, а я повернулся к бармену:

– Сколько тебе лет?

Бармен напрягся, но промолчал.

Я улыбнулся.

– Ты, наверное, меня не помнишь, – сказал я. – А я был губернатором.

Я предложил ему «Данхилл», но он отказался. Потом, взглянув на нас, спросил:

– Губернатором чего?

Скиннер быстро встал и, обратившись к бармену, проговорил:

– Ну-ка, выпьем за старые добрые времена! Этот джентльмен был губернатором Американских Самоа лет десять, а может быть, и двадцать.

– Я его не помню, – отозвался бармен. – Тут много всякого народа ходит.

Скиннер рассмеялся и хлопнул на стойку бара двадцатидолларовую бумажку.

– Все это дерьмо, – сказал он. – Мы врем, чтобы жить, но мы ведь приличные люди, не так ли?

Скиннер перегнулся через барную стойку и пожал руку бармену, который был счастлив, что мы наконец отваливаем. По пути в вестибюль Скиннер протянул мне отпечатанную на ротапринте копию программы Марафона и сказал, что встретит нас на вечеринке. Радостно помахав мне на прощание рукой, он просигналил мальчишке посыльному, чтобы тот пригнал его машину.

Спустя пять минут, все еще пребывая в ожидании лифта, я услышал металлический рев скиннеровского «понтиака», который выехал на дорогу за отелем. Вскоре шум дождя поглотил шум мотора. Подошел лифт, и я нажал кнопку последнего этажа.

Он не был одним из нас

Когда жена Ральфа ввела меня в его номер, с ним работала массажистка, пожилая японка. Восемилетняя дочь Ральфа сидела, злобно уставившись в телевизор.

– Постарайся не расстраивать его, – предупредила меня Анна. – Он думает, что сломал себе спину.

Ральф лежал в спальне на каучуковом мате и жалобно стонал, в то время как старая карга долбила его по спине. На буфете стояла бутылка скотча, и я налил себе выпить.

– Что это был за жуткий бандит в кафе? – спросил меня Ральф.

– Да это Скиннер, – ответил я. – Наш менеджер в Марафоне.

– Что? – взорвался Ральф. – Ты сошел с ума? Он же наркоман. Ты слышал, что он мне сказал?

– О чем?

– Ты все слышал! – вопил Ральф. – Он сказал про «белую смерть».

– Ну и дал бы ему немного! – отозвался я. – По-моему, ты поступил невежливо.

– Это все *твоя* работа, – зашипел Ральф. – Это *ты* его притащил ко мне.

Ральф упал на каучук, закатив глаза и оскалившись в гримасе, вызванной очередным болевым спазмом.

– Черт бы тебя побрал! – простонал он. – *Все* твои приятели – больные люди, а теперь ты еще и с грязным наркоманом сошелся.

– Да успокойся ты, Ральф, – сказал я миролюбиво. – Они тут все наркоманы. Нам повезло, что мы встретили хорошего. Скиннер – мой давний друг. К тому же он аккредитованный фотограф Марафона.

– О Боже! – продолжал стенать Ральф. – Я себе все так и представлял...

Я глянул через плечо – не смотрит ли его жена – и с силой шлепнул его по затылку, чтобы привести в чувство. Он рухнул на мат... и в этот самый момент в спальню вошла Анна с плетеным подносом, на котором стояли чайник и чашки, заказанные ею в ресторане.

Чай успокоил Ральфа, и он принялся рассказывать. Двенадцать тысяч миль от Лондона до Гавайев были для него дьявольским испытанием. Жена попыталась сойти с самолета в Анкоридже, а дочка всю дорогу проревела. Дважды при снижении в Гонолулу в самолет ударила молния, и огромная черная женщина, которая сидела рядом с Ральфом, забилась в эпилептическом припадке.

Когда они наконец приземлились, их багаж оказался потерянным, таксист содрал с них двадцать пять фунтов за поездку в отель, где регистратор забрал их паспорта потому, что у Ральфа не было американских денег. В целях безопасности менеджер отеля поместил его фунты стерлингов в сейф, но помог ему со снаряжением для плавания, которое Ральф и взял в пункте обслуживания серфингистов на пляже возле кафе «Хо Хо».

В это время ему так хотелось укрыться от всех и побыть одному, сказал он, так хотелось отдохнуть и расслабиться у моря, что он надел свои ласты и погреб в сторону рифа. Тут-то его и подхватила волна. Приподняв, она шваркнула Ральфа о зазубренную скалу, пробив ему дырку в спине и оставив барахтаться в прибрежной водичке подобно тонущему животному.

– Какие-то люди притащили меня в какую-то лачугу, – сказал он. – Потом они накачали меня адреналином. Когда я смог добраться до вестибюля, я выл от боли и с меня градом катил пот. Обслуге пришлось дать мне успокоительного и на руках отнести в лифт.

Только отчаянный звонок Уилберу избавил Ральфа от тюремной палаты в городской больнице где-то на другом краю острова – менеджер отеля уже готов был отправить его туда.

Ужасная история. Для Ральфа это была первая поездка в тропики, и он мечтал о ней всю свою жизнь. А теперь в результате всего этого он умрет или навсегда останется калекой.

Его семья, стонал он, полностью деморализована. Вряд ли кто-нибудь из них когда-нибудь сможет вернуться в Англию, хотя бы для того, чтобы быть похороненным с соблюдением приличий. Они подохнут как собаки, причем без всякого к тому повода, на дикой скале посередине абсолютно чужого моря.

На протяжении нашего разговора дождь бился в оконное стекло. Не было похоже, чтобы шторм, который бушевал уже несколько дней, когда-нибудь прекратился. Погодка еще хуже, чем в Уэльсе, сказал Ральф, а из-за боли в спине он пил не прекращая. Анна рыдала всякий раз, когда он просил виски.

– Это ужасно, – проговорил он, – но за прошлый вечер я выпил целый литр скотча.

Ральф всегда не в своей тарелке, когда ему приходится работать за границей. Я бегло осмотрел его спину и позвонил вниз, в магазин сувениров при отеле, чтобы нам принесли алоэ.

– Прямо сейчас, – сказал я продавщице. – И нам нужно будет что-нибудь, чтобы раскрошить его. Большие ножи у вас есть? Или топоры для рубки мяса?

Несколько мгновений на том конце провода молчали, потом послышались крики и звуки потасовки. Наконец раздался мужской голос:

– Сэр, вам нужно оружие?

Я сразу понял, что имею дело с деловым человеком. По голосу он был явно самоанец – его выдавал глубокий квакающий тембр, – но по манере брать быка за рога он сошел бы и за швейцарца.

– А что вы мне можете предложить? – спросил я. – Мне нужно измельчить алоэ.

Пауза, затем:

– Могу предложить великолепный набор кухонной посуды: семьдесят семь предметов с превосходным мясницким ножом.

– Ну, это я могу взять и у обслуживающего персонала, – сказал я. – Что у вас есть еще?

Вновь долгая пауза. Где-то в отдалении завопила женщина, что-то вроде: «... сумасшедший... отрубил нам всем головы...»

– Ты уволена! – заорал мой собеседник, не слишком озабоченный тем, что его слышу и я. – Мне надоело твое идиотское нытье. Какое тебе дело до того, что они покупают? Мотай отсюда! Давно надо было тебя выкинуть вон!

Снова раздался шум потасовки и злобные крики. И снова голос вернулся в трубку телефона.

– Я думаю, у меня есть то, что вам нужно, – сказал он. – Это украшенная резьбой боевая самоанская дубинка. Настоящее черное дерево, восемь шипов. С ее помощью вы сможете измельчить даже пальму.

– И сколько в ней весу? – поинтересовался я.

– Весу? – он задумался. – А, понимаю... у меня есть почтовые весы. Минуточку...

В телефоне раздался грохот, потом опять голос:

– Она *очень* тяжелая, сэр. Тяжелее, чем можно взвесить на моих весах.

Он хихикнул и продолжил:

– О да, сэр, *очень тяжелая*. Думаю, около десяти фунтов. Бьет не хуже кувалды. Ею можно убить что угодно, все, что пожелаете.

– И сколько стоит? – спросил я.

– Полтора доллара.

– Полтора доллара? – переспросил я. – Полтора доллара за простую палку?

Сперва он не ответил. Потом вымолвил:

– Вы не правы, сэр. Вещь, которую я держу в своих руках, – не просто палка. Это боевая самоанская дубинка, и ей не меньше трехсот лет. Кроме того, это ужасно грозное оружие. – И добавил: – С ее помощью я мог бы легко разбить вашу дверь.

– Спасибо, мне все ясно, – обрезал я его. – Пришлите мне дубинку прямо сейчас вместе с алоэ.

– Непременно, сэр, – с готовностью отозвался он. – Как будете оплачивать? Внести вам ее в счет?

– Без разницы, – ответил я. – Мы очень богатые люди, деньги для нас – ничто.

– Отлично! Через пять минут я буду у вас.

Я положил трубку и повернулся к лежавшему на каучуковом мате Ральфу, которого скрутил очередной спазм боли.

– Все схвачено, – сказал я. – Я тебя в мгновение поставлю на ноги. Сейчас придет парень из магазина с алоэ и смертоносной боевой самоанской дубинкой.

– О Господи! – простонал Ральф. – Еще один самоанец!

– Ну! – ответил я, наливая себе очередную порцию скотча. – Смертоносный самоанец. Я чувствую это по его голосу. Нам придется, наверное, каким-то способом умиловить его.

Я отрешенно улыбнулся и продолжал:

– Но нам же нужно как-то выбить из тебя твоё зелье, правда? Почему не сейчас?

– Какое зелье? – заорал Ральф. – Ты же знаешь, я не пользуюсь наркотиками.

– Кончай, Ральф, – ответил я. – Я устал от твоего вечного вранья. Где оно?

Не успел Ральф ответить, как в дверь постучали и в комнату ввалился гигантского роста самоанец, который орал «Алоха! Алоха!» и размахивал огромной черной берцовой костью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.